

Ю. А. Савватеев. *Рисунки на скалах*. Петрозаводск, 1967, 156 стр., библиография.

Карельские петроглифы привлекают внимание исследователей уже более ста лет. Однако лишь в советскую эпоху их поиски и изучение были поставлены на вполне серьезную научную основу. До 1926 г. было известно лишь одно скопление наскальных рисунков — на восточном берегу Онежского озера (Бесов Нос). Но уже в 1926 А. М. Линеvский в устье р. Выг нашел новые рисунки: спустя десять лет там же обнаружил еще одно скопление В. И. Равдонинас, а совсем недавно несколько групп петроглифов отыскал молодой петрозаводский археолог Ю. А. Савватеев.

О петроглифах Карелии написано немало. Выяснить их возраст и происхождение, понять их смысл, установить содержание, определить этническую принадлежность историко-культурное значение пытались многие — А. М. Тальгрэн и А. Я. Брюссельский, А. М. Линеvский и В. И. Равдонинас и другие ученые. Их трудами заложены основы исследования наскальных изображений, определены важные направления их изучения. Вместе с тем недостаток самого материала, скудость иных археологических данных не позволяли в ту пору радикально решить эти вопросы. Петроглифы должны исследоваться дальше — с разных сторон и разными методами.

Кажется вполне оправданным, что к этим задачам обратился Ю. А. Савватеев — исследователь, уже известный археологам и этнографам по публикациям ряда специальных работ. Раскопки памятников неолита и раннего металла в низовьях р. Выг, которые он ведет ряд лет, прямо привели его к проблемам, для которых изучение петроглифов становится первоочередной задачей.

Книга Ю. А. Савватеева не решает всех задач, связанных с петроглифами, и не только из-за объективных трудностей исследования, но и по причине своих жанровых особенностей: книга преследует по преимуществу популяризаторские цели. Вместе с тем она написана знатоком предмета и настолько основательно, что затрагивает актуальные проблемы, над которыми работают исследователи. Нет никакого сомнения в том, что работа может послужить руководством для всякого, кто сейчас приступает к изучению петроглифов.

В книге Ю. А. Савватеева подробно описаны памятники древнего искусства, расположенные как на скалистых мысах восточного берега Онежского озера, так и в Беломорье, интересно рассказано о недавних новых открытиях крупных скоплениях скальных гравюр, содержание изложена история их изучения, четко обрисован круг основных проблем их современного исследования.

Наиболее существенным вкладом Ю. А. Савватеева как исследователя карельских петроглифов следует признать удовлетворительное решение им вопроса о датировке петроглифов. Дело в том, что значительная часть вновь открытых рисунков оказалась перекрытой культурным слоем древнего поселения, которое датируется концом II тыс. до н. э. В сочетании с другими данными этот факт выглядит как фундаментальный аргумент в пользу отнесения петроглифов к числу памятников эпохи развитого северного неолита и бронзового века.

Это позволяет, с одной стороны, более органично вписать памятники в исторический контекст и определить их действительное место и связь с другими синхронными археологическими данными, а с другой — с большей строгостью, чем до сих пор, использовать сами рисунки и их композиции как источник сведений и свидетельств о культуре и быте населения древней Карелии.

Не станем перечислять других достоинств работы Ю. А. Савватеева, они очевидны, и читатели легко заметят их сами. Скажем лишь о вдумчивой научной осторожности автора, о его разумной неторопливости, о старании избежать скороспелых и недоказанных выводов. Но и отдавая в этом должное автору, хочется еще раз призвать его быть трижды осторожным, особенно в том, что касается «чтения», «расшифровки» петроглифов: немало уже было попыток столь свободного «чтения», при котором свобода превращалась в произвол. Следует помнить, что петроглифы — это памятники неписьменности, а первобытной культуры, которой свойственны нерасчлененность, синкретизм. Их чтение (в прямом смысле этого слова) вообще невозможно. Вернее говорить об их истолковании, понимании, интерпретации.

Обращаясь теперь к общей оценке книги Ю. А. Савватеева, можно сказать, что она удалась. В этом заслуга прежде всего автора, но, кроме того, и тех, кто помогал ему в работе: художника Б. Н. Новожилова, фотографа С. А. Краева, участников археологических экспедиций (автор напрасно не упомянул о них в своей книге), а также редактора Д. И. Шехтер.

В. В. Пименов

Ю. Б. Стрaкaч. *Народные традиции и подготовка современных промыслово-сельскохозяйственных кадров. Таежные и тундровые районы Сибири*. Новосибирск, 1966, 147 стр. с илл.

На огромных пространствах Сибири, в основном в зоне северной тайги и тундры, живут и трудятся малые народы Севера — чулки, коряки, юкагиры, иганасаны, долганы, эвены и др. Они занимаются традиционным промыслово-оленьеводческим хозяйством, определяющим их своеобразное место в межобластном разделении труда.

Общезвестна восторженная отсталость малых народов в недалеком прошлом. За пятьдесят лет Советской власти многое сделано, чтобы эта отсталость была ликвидирована. Подверглись реконструктивным изменениям и техническому перевооружению оленеводство, охотничий и морской зверобойный промыслы, рыболовство. Отрасли, которые раньше не имели товарного значения, приобрели его. На Севере появились занятия, неизвестные прежде аборигенам: клеточное звероводство, разведение крупного рогатого скота и лошадей, огородничество.

Внедрение нового не означает, что все старое должно быть отвергнуто. Сохранились многие рациональные приемы ведения традиционных отраслей хозяйства, ими успешно пользуются оленеводы, охотники, рыбаки. Веками накопленный опыт помогает нынешним колхозникам и рабочим совхозов, промхозов добиваться высоких показателей в оленеводстве (увеличение поголовья), добыче пушнины и рыбы.

Вместе с тем в процессе преодоления исторической отсталости малых народов Севера наметилось известное противоречие между ростом культуры и потребностями производства в районах тайги и тундры. Создалось парадоксальное положение: чем шире и глубже проникала в среду коренного населения грамотность и культура, тем ошутимее испытывало северное хозяйство нужду в молодых квалифицированных кадрах оленеводов, охотников, рыбаков. Дело в том, что, как правило, молодежь из народов Севера неохотно участвует в традиционных занятиях, нередко сопряженных с длительным отрывом от поселка, неудобствами в быту, с большими затратами физического труда.

Доля вины лежит и на общеобразовательной школе, которая оторвана от потребностей местного хозяйства; обучение строится без учета того, что прежде всего нужно знать и уметь юноше или девушке, живущим на Крайнем Севере. Почти с самого рождения дети народов Севера попадают в заботливые руки государства: и в яслях, и в детских садах, и в школах-интернатах, и в институтах их содержат на полном государственном обеспечении. В тайге и тундре они почти не бывают и, закончив учебу, мало чем могут помочь своему колхозу или совхозу: они не обладают навыками ориентировки, умением хорошо ходить на лыжах местного типа, управляться с оленями или ездовыми собаками, не говоря уже об искусстве читать следы зверей, метко стрелять, отыскивать потерянных оленей и т. д., т. е. всего того, без чего жизнь на Севере все еще невозможна. Факты свидетельствуют о том, что в оленеводстве заняты, как правило, пожилые люди, лучшими охотниками также являются люди старшего поколения, которые нигде не учились.

Есть ли выход из создавшегося положения? Видимо, есть. Об этом свидетельствует книга научного сотрудника Сибирского отделения Академии наук СССР Ю. Б. Стракача «Народные традиции и подготовка современных промыслово-сельскохозяйственных кадров». Эта работа полезна не только тем, что ставит проблему, о которой мы говорили выше; она указывает и пути ее решения. Больше того, книга Ю. Б. Стракача сама может служить практическим пособием для тех, кто откликнется на призыв автора: в ней в виде приложений даны примерные программы ознакомления учащихся общеобразовательных школ на Севере с навыками в области промыслово-олeneводческого хозяйства с учетом специфики различных районов. Работа Ю. Б. Стракача — первый опыт подобного предметно-практического подхода к названной теме, имеющей не только «культурное» (в плане этническом), но и общегосударственное (в плане народнохозяйственном) значение.

Книга состоит из четырех глав, введения и заключения (о приложениях мы уже говорили). Первая глава знакомит читателя с историей социалистических преобразований на Севере и показывает значение промыслово-олeneводческого хозяйства для экономики страны. Достаточно указать, что еще в 1960 г. в Ямало-Ненецком, Ханты-Мансийском, Таймырском, Эвенкийском, Чукотском и Корякском национальных округах было заготовлено пушнины почти на 6,5 млн. рублей, рыбы и морского зверя около 120 тыс. т, мяса около 92 тыс. т (в том числе оленьего — около 80 тыс. т), оленьих шкур — 223 тыс. штук (см. таблицу на стр. 12).

Автор останавливается на некоторых ошибочных тенденциях развития северной экономики в предвоенный и частично послевоенный периоды, когда задачи по освоению Севера ставились без учета его природных и этнических особенностей (стр. 10). Ю. Б. Стракач с цифрами в руках показывает, что в Сибири за последние годы «отмечено не только снижение мастерства, но также сокращение числа охотников» (стр. 15) и, добавим, пастухов-олeneводов высокой квалификации и рыбаков.

Глава вторая посвящена способам передачи истари существующих у народов Севера производственных навыков, которые автор вслед за В. И. Иохельсоном именует «народной школой воспитания». На широком этнографическом материале Ю. Б. Стракач прослеживает эти способы у различных народов. Судя по приведенным данным, передача подрастающему поколению полезных навыков осуществлялась раньше в процессе промысловой деятельности семьи. Автор вводит своеобразную периодизацию традиционной подготовки, которую проходит ребенок, прежде чем стать полноценным участником трудового коллектива. Он выделяет периоды: 1 — «подготовительный», заканчивающийся примерно в 10-летнем возрасте; 2 — «переход-

ный», охватывающий возраст 10—12 лет (в это время мальчики овладевают навыками пользования средствами транспорта и огнестрельным оружием, а девочки — искусством шитья) и 3 — «завершающий», или «основной», когда из подростков вырабатываются квалифицированные мастера своего дела. Рассмотрению этого последнего периода посвящена третья глава.

В работе справедливо отмечено, что в прошлом третий период не был ясно выражен: повседневное участие подростка в труде взрослых протекало постепенно: ролю мастерства молодого работника и увеличивалась требовательность старших по отношению к нему. Ю. Б. Стракач очень удачно, как нам кажется, подметил то малозаметное обстоятельство, что основной отсев учащихся из школ на Севере приходится на возраст 12—15 лет, когда заканчивается «переходный» период и подростки начинают привлекать самостоятельную трудовую деятельность (стр. 70).

Автор раскрывает практику бригадного ученичества, принятую во многих колхозах и совхозах Севера для того, чтобы поднять производственную квалификацию таких примкнувших к производству подростков. Тут нет и не может быть общепринятых педагогических канонов: педагог — это только старший товарищ по бригаде, опытный пастух, рыбак или охотник. Но старательному любознательному ученику общение с таким мастером может дать очень много. В сущности обучение было и равное, только оно не было оформлено в «систему» и производилось при иных обстоятельствах, в иной социальной обстановке.

Ю. Б. Стракач не идеализирует «народную школу», он видит ее недостатки — низкий технический уровень «педагогов», исключающий возможность делиться опытом по части управления существующей промысловой техникой (например, лодочными моторами), а также известный консерватизм охотников, предпочитающих пользоваться старыми, традиционными средствами промысла, отчасти именно в силу слабой технической подготовки.

Призывая важность и необходимость «народной школы», автор подчеркивает, что при подготовке кадров промысловиков «следует обеспечить параллельно начальное научно-техническое обучение молодежи» (стр. 85). Но одна только школа «бригадного ученичества» не в состоянии решить проблемы подготовки кадров для промыслово-оленоводческого хозяйства. Вопрос упирается в нечто новое, что связано с общим ростом благосостояния и культуры в нашей стране, — в создание для оленеводов, охотников, рыбаков таких производственных и бытовых условий, чтобы труд приносил им и материальное, и моральное удовлетворение, чтобы, находясь в оленеводстве или на отдаленных промысловых участках, они не чувствовали себя оторванными от коллектива, семьи и культурного обслуживания. Сейчас на Севере широко дебатуются вопросы, связанные с применением вертолетов, вездеходов, улучшением культурно-бытовых условий жизни пастухов, охотников, рыбаков. К сожалению, автор не затронул эту важную тему.

Четвертая глава книги «Некоторые вопросы профессиональной ориентации в 8-летней общеобразовательной школе таяжских и тундровых районов» содержит изложение материалов, касающихся политехнизации обучения в школах применительно к районам Севера. В этой главе содержится ряд практических рекомендаций школам и дошкольным детским учреждениям по внедрению традиционного производственного обучения. Ю. Б. Стракач отмечает, что «детским садам и отчасти начальным школам по срокам и задачам в основном соответствует подготовительный этап традиционного трудового воспитания» (стр. 115), и советует на этом этапе основное внимание уделять физическому развитию детей. В начальной школе следует, по его мнению, обучать детей местным средствам передвижения (лыжи, олени и собачьи упряжки). В 5—8 классах средней школы рекомендуется организовать подготовку учащихся так, чтобы по окончании восьмилетки они могли сразу принять участие в производственной жизни колхоза или совхоза. Ю. Б. Стракач разработал «Перечень трудовых навыков и знаний, последовательность их приобретения по этнографическим данным», из которого учителю видно, «что надо уметь» и «что надо знать» ребенку определенного возраста в зависимости от «сезона и характера занятий» (стр. 117). В целом мысль автора, на наш взгляд, абсолютно правильная, сводится к тому, что главным звеном в подготовке подрастающего поколения к производственному труду должна стать восьмилетняя школа (стр. 122).

Достоинством рецензируемой книги безусловно является тщательность ее авторской и редакторской отделки, но это достоинство порой перерастает в недостаток: скрупулезность автора не имеет границ. Текст пестрит ссылками на литературу даже там, где в этом нет никакой надобности. Например, фразу «Социалистическая революция открыла новую страницу в истории малых народов Сибири» автор снабжает сноской: «Подробные эти вопросы освещены в академических изданиях: «Народы Сибири», М.—Л., 1956; «История Сибири» (готовится к печати Сибирским отделением АН СССР) и в ряде отдельных работ» (стр. 105).

К недостаткам можно отнести и несколько устаревшие цифровые данные (1960—1962 гг.). Есть в книге и элемент нарочитости. «Во время разговоров (взрослых, беседующих о промыслах. — В. Т.) неизменно присутствуют дети», сообщает автор (стр.

38), не допуская, что дети свою учебу в «школе традиционного воспитания» могут вполне по-детски прервать игрой. То же можно сказать о фразе: «Нередко народные сказители встречаются с молодежью и в дневное время — *между делом*» (там же; здесь и выше выделено нами.— В. Т.). Есть в книге места, могущие ввести неискушенного читателя в заблуждение. Ю. Б. Стракач пишет, что опытные пастухи учат новичков «дополнять основной „ягельный“ стол оленей грибами или опавшими листьями, сохраняющимися под снегом, древесными лишайниками и т. п.» (стр. 87). Интересно, как новички будут это делать, учитывая, что, во-первых, олени сами добывают и разнообразят свой «стол» и что, во-вторых, ни грибов, ни опавших листьев под снегом не видно?

Эти замечания не умаляют общего значения книги Ю. Б. Стракача, которая, повторяем, является не только ценным исследованием оригинального жанра, но и полезным практическим пособием для учителей и работников народного образования в районах Севера.

В. А. Туголуков

Русский фольклор. Библиографический указатель, 1917—1944, Л., 1966, 683 стр.

Русский фольклор. Библиографический указатель, 1960—1965, Л., 1967, 539 стр.

Составила М. Я. Мельц. Под редакцией А. М. Астаховой и С. П. Луппова. Изд. Института русской литературы (Пушкинский Дом) и Библиотеки Академии наук СССР.

Рецензируемые тома представляют собой продолжение библиографии, первый выпуск которой вышел в 1961 г. и охватывал публикации 1945—1959 гг. Он получил многочисленные отклики как в СССР, так и за рубежом¹. Второй выпуск, изданный в 1966 г. и включающий публикации 1917—1944 гг., также неоднократно рецензировался². Рецензенты единодушно отмечают высокие достоинства этих изданий: максимальную полноту, четкость и продуманность библиографической системы, которая не только отвечает специфике предмета, но и позволяет легко, быстро и уверенно ориентироваться в огромном, сложном и разнообразном материале. Этому способствует и система отсылок. Под каждой рубрикой указаны те работы, которые полностью или в наибольшей степени соответствуют заголовку. Но некоторые издания имеют сложный состав и кроме основных вопросов рассматривают ряд других. Есть многожанровые сборники. Они выделены под заглавием «Сборники текстов разных жанров». Сборники одножанровые показаны под рубриками соответствующих жанров. Но чисто жанровый признак составителями или авторами часто не выдерживается полностью. Такие издания помещены под теми рубриками, которые для них являются основными, но, кроме того, в конце каждого раздела даны отсылки к сборникам иных жанров и к работам, в которых содержатся некоторые материалы по жанру, показанному в заголовках. Например, сборники пословиц даны в разделе пословиц, но в конце этого раздела путем ссылок на соответствующие номера названы многочисленные и разнообразные труды, также содержащие пословицы. Такая система значительно облегчает работу исследователя.

При всем единообразии системы, пронизывающей все три тома этой библиографии, последние два тома во многом отличаются от первого: они обнаруживают стремление автора к совершенствованию и детализации системы. Возрастающее с каждым годом количество публикаций требует все более дифференцированной системы подачи. Если в период 1917—1944 гг. в среднем на один год приходится 147 названий, то за период 1945—1959 гг. их было 193, а за последние шесть лет (1960—1965 гг.) на один год падает уже 687 названий. Всего в трех томах содержится 12 168 названий. Эти цифры свидетельствуют о стремительном росте научного и общественного интереса к народному творчеству, но они же значительно усложняют

¹ См. рецензии А. Д. Соймаинова («Сов. библиография», 1961, № 6 (70), стр. 67—68), Д. Молдавского («Вечерний Ленинград», 1961, № 265, 10 ноября), Э. В. Померанцевой («Вопросы литературы», 1962, № 3, стр. 233—234), Н. Ф. Бабушкина (в кн.: «О марксистско-ленинских основах народно-поэтического творчества», Томск, 1963, стр. 15), В. Я. Пропа («Сов. этнография», 1962, № 2, стр. 156—158), К. И. Шафрановского («Библиотечно-библиографическая информация библиотек АН СССР и АН союзных республик», 1962, стр. 75—85), S. Haltsonen («Virittäjä», Helsinki, 1961, No. 4, pp. 421—422), рец. в «Slavia orientalis», Warszawa, 1962, No. 1, p. 123, E. Hexelschneider («Deutsches Jahrbuch für Volkskunde», 1963, Bd. 9, S. 424—425), L. Mandoki («Acta ethnographica», Budapest, 1965, t. XIV, Fasc. 3—4, pp. 414—415), S. Gerald («Journal of International Folkmusic Council», London, 1963, vol. 15, p. 113).

² См. рецензии Б. Таровского («Книжное обозрение», 1966, № 32, стр. 10), Б. Н. Путилова («Сов. библиография», 1967, № 1 (101), стр. 46—51), Б. Ховратовича («В мире книг», 1967, № 1, стр. 47), А. Fochi («Revista de etnografie și folclor», București, 1967, № 2, pp. 158—162).